

А. В. КАРТАШЕВ

**К трехлетию большевизма
(Ответы на вопросы газеты «Общее дело»)**

Сила большевиков — сила отрицания и разрушения. Сила патологическая, сила преходящей острой болезни. Ни о каком упрочении их власти серьезно говорить нельзя, как нельзя говорить о власти землетрясения или власти саранчи над хлебным полем. Прорвется стихия наружу — и наступит равновесие. Поест паразит все — и сам издохнет. «Время всякой вещи под небом»...

К. Маркс верно подметил стихию — разрушительную, сейсмическую силу классовой злобы, а его «религиозные» последователи возвели ее в перл социальной идеологии. Русский большевизм навсегда провалил идеологию злобы как силы созидательной, обнажив ее природу, несущую только смерть всякой жизни, всякому творчеству.

Срок большевистской власти — срок вирулентности паразита, но пока он вирулентен — он победоносен. Россия была исторически подготовлена к такой болезни. Большевик попал в точку. Он ответил на вековую накипь на сердце озлобленных и неудовлетворенных масс, выведенных из равновесия случившейся, благодаря чудовищной войне, катастрофой революции. Темную стихию бунта, открывшую дорогу всему преступному, надо было эксплуатировать. Эксплуататор явился. Без совести, без чести, с неистощимым запасом ненависти и мести к старому строю и всей до сих пор бывшей культуры. Власть служения стихии досталась ему легко. Но отсюда уже началось его искусство приспособления к стихии и игры на ней, искусство длить свою обреченную на гибель власть.

Итак, власть большевиков в известном смысле народна, т. е. имеет свою *sui generis*¹ социальную базу в патологии народного бунта, в разгуле преступных инстинктов. Горький, в письме к Ленину, уделяет 95% комиссарской власти преступникам, которых

он склонен истребить смертной казнью. Отличная иллюстрация существа дела. На преступлении и лжи стоит эта власть. Но ложь и преступление сугубо сильны, когда они прикрываются примесью правды. Большевики паразиты не в том только смысле, что они могут существовать лишь до времени, пока не истребят последнего волокна материальной и культурной ткани России, созданной проклинаемым ими капитализмом и империализмом, но и в том, что они эксплуатировали всю ту правду революции, какая влилась в ее мрачный хаос из сердца русского народа и русской общественности, пламенно грезивших о социальной правде. Обокрав библейских пророков, Евангелие, европейский гуманизм, этический социализм и вообще ходячие мерки общественной справедливости, бесстыдно накидывают их на зловонную систему крови насилия, они тем самым дергают за нравственные нервы невежественной массы, слабых мозгами и сердцем интеллигентов и втирают очки, воистину невежественному в русском вопросе, Западу.

Кроме этих основ большевистского владычества, временная живучесть его состоит в максимальной сверхиезуитской, сверхницшеанской безразборчивости в средствах, в абсолютно-цинической гибкости и дерзновении. Свобода на словах и адово рабство на деле. Мир и перманентное кровопролитие. Равенство и африканский деспотизм. Царство труда и царство содержанческого безделья. Земной рай и эсхатологическая голодная смерть целой нации. Смертная казнь и пытка террором, как правило, а жизнь как передышка истязуемой жертвы, как исключение. От созерцания этого безмерного цинизма в политике внутренней и внешней становится нравственно и физически тошно.

Но все эти ставки заигравшихся властолюбцев на «похабный мир», на «грабь награбленное», на распродажу России и ее драгоценностей до последней золотой монеты, — ускоренным бегом идут к последней ставке: к кормлению и подкупу одних только иноплеменных опричников — телохранителей.

Программа лжи исполняется, и волна ненависти обманутого народа накапливает... Томительно долг период назревания, и мгновенно быстр взрыв ликвидации. Паразиту жить недолго.

